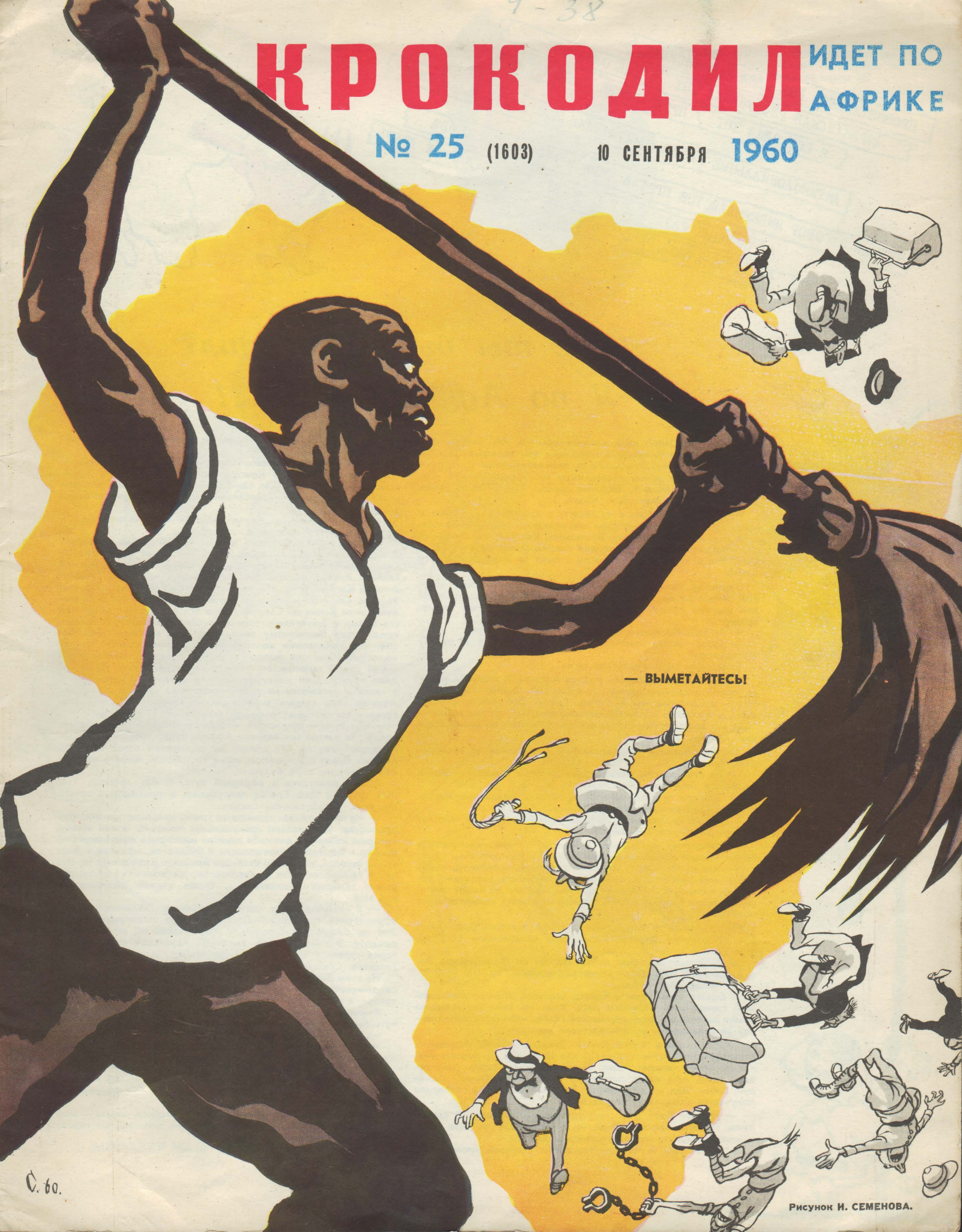
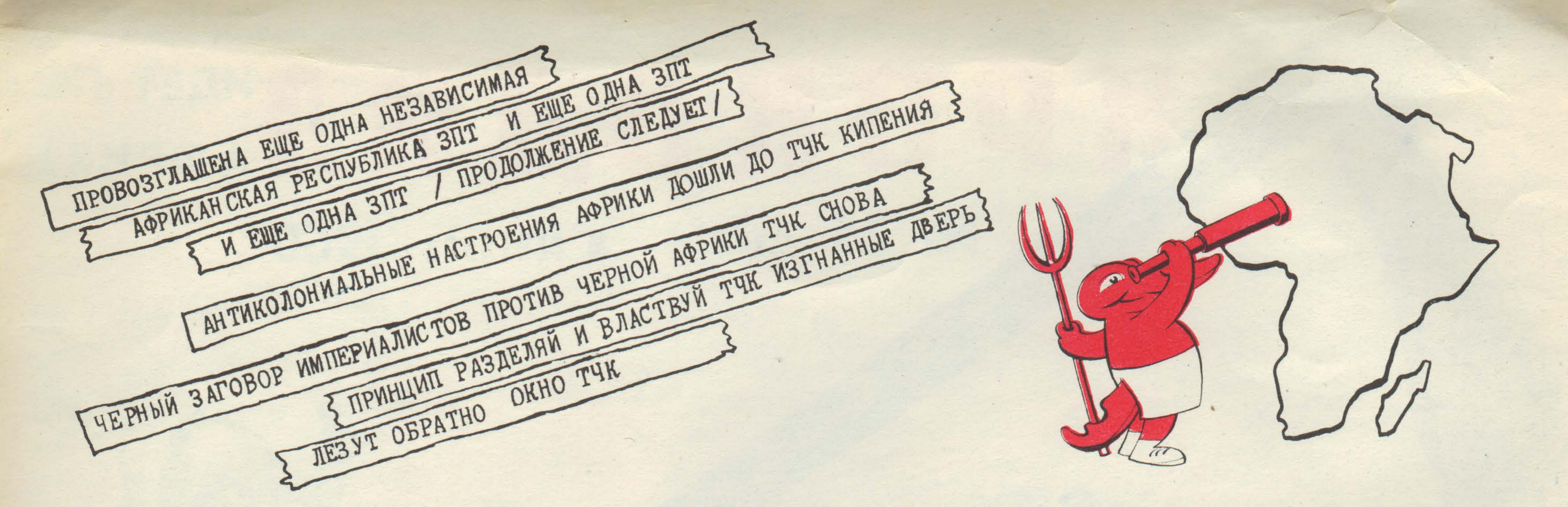

КРОКОДИЛ
ИДЕТ ПО АФРИКЕ
№ 25 (1603) 10 СЕНТЯБРЯ 1960
— ВЫМЕТАЙТЕСЬ!
С. 60.
Рисунок И. СЕМЕНОВА.

—Где ты был, Крокодил?
—Я по Африке бродил!

РАБОЧИЙ день начался обычно. На письменный стол Крокодила положили три телеграммы. Они дружно сообщали о провозглашении в Африке трех новых независимых государств. Ничего сенсационного. Рядовые факты. Будни сегодняшней международной жизни.

Но что-то случилось в ту минуту с Крокодилом. Что-то в нем проснулось. Поэты-лирики мистического направления сказали бы: «Голос предков». Возможно. Как бы там ни было, факт остается фактом: Крокодил тихонько выбрался из кабинета, сел в троллейбус, а потом сошел у Краснохолмского моста.

Школьник Витя, самодеятельный рыболов-спортсмен, который, несмотря на столь ранний час, уже выловил спиннингом два хорошо сохранившихся скелета селедок, успел только крикнуть:

— Ты что, Крокодил, в Африку?

— Туда,— успел ответить Крокодил и нырнул в пучину Москвы-реки.

Вынырнул он в верховьях Нила.

Перед ним расстилалась родная Африка. В знойном мареве тонули очертания далеких голубых гор. Финиковые пальмы стояли роскошные, как в Гагре. Где-то поблизости рычали львы, и пугливые страусы исправно прятали головы в песок.

И вот здесь повстречался вскоре Крокодил со своим старшим братом.

Братья обнялись и прослезились; и это были не крокодиловы слезы.

— Ты стал совсем москвичом,— отметил старший.— Вон и блокнот у тебя фабрики «Заря».

— Это для путевых заметок,— пояснил младший.— Не часто мне доводится бывать на родине: Дела!

— То-то,— подхватил старожил-африканец.— А у нас тут что ни день — то событие...

— Интересно, как сейчас на Золотом Береге...— мечтательно промолвил московский Крокодил.— Посмотреть бы...

— Что ж, взгляни,— произнес Крокодил-африканец, и оба брата очутились на песчаном океанском берегу, поросшем могучими пальмами. Рыбаки бодро вытряхивали из сетей трепещущие дары голубой стихии, и песне их вторил аккомпанемент прибоя.

— Они поют о будущем,— пояснил старший брат.— Нет больше колонии Золотой Берег. Есть независимое государство Гана.

— А интересно, какая сейчас погода во Французской Экваториальной Африке? — заикнулся москвич.

— Изволь, посмотрим.

И братья вынырнули у берега широкой Убанги, окаймленной стеной вечнозеленого леса. Вниз по течению величаво плыли жалкие обрывки парижской газеты «Фигаро», заполненной ветхозаветным колониалистским вздором.

— Нет больше Французской Экваториальной Африки,— сказал старший Крокодил.— Погода здесь для французов оказалась очень неподходящая. Одно слово — экватор. Зато теперь здесь пять самостоятельных государств: Конго, Камерун, Габон, Чад и Центральная Африка. Вот какая забавная получается история с географией!

— Извини, брат, это я все по старой привычке. В самом деле, Африка сейчас совсем не та, что была на заре моей туманной юности, когда Бельгийское Конго...

— Будет тебе и Конго,— подхватил старший Крокодил, и вот братья уже плывут в зеленоватых волнах великой африканской реки.

— Кончилось Бельгийское Конго,— говорит старший брат.— Начинается Республика Конго — молодое суверенное африканское государство. Оно само хочет владеть своим золотом и алмазами, серебром и кобальтом, медью и ураном. И будет владеть!

— Да, все по-иному. Карта Африки перекраивается и перекрашивается на глазах.

— Пока не вся. Остались еще занозы. Франция вцепилась в Алжир и Сомали. Испания никак не может отвалиться от Сахары и Рио-Муни. Португальцы мертвой хваткой прикусили Гвинею, Анголу и Мозамбик. Бельгийские молодчики ухватились за Катангу, а заодно не выпускают на свободу и Руанда-Урунди. Об Англии говорить нечего. От Гамбии до Бечуаналенда и от Кении до Сьерры-Леоне все еще посвистывает над саваннами и джунглями зловещее слово «бизнес». В общем, предаваться беспечному ликованию пока рановато. Тем более, что поклонники колониального режима совсем не так милостивы, как они пытаются себя изобразить. Они норовят левой рукой заграбастать то, что сами же минуту назад отдали правой. Они маскируются, маневрируют, пускают пыль в глаза и пускаются на другие подлости. Они подсовывают Африке свои старые «колониальные товары» в новой упаковке и со свеженаклеенными этикетками.

— Ты прав,— согласился москвич.— И все же если не сегодня, то завтра вся великая Африка будет свободна. Это так же верно, как то, что шакалу не перегрызть ствол баобаба. Африка будет континентом юных государств, вместе начинающих творить свое будущее.

Братья двинулись в обратный путь. И вот наконец старый, добрый Нил. Братья погрузились в прохладные волны. Москвич, отдышавшись, сказал:

— На твоих глазах громадная глыба «черного континента» прорастает удивительно прекрасными побегами новой жизни, которую избирают для себя десятки миллионов африканцев — арабов и берберов, конголезцев и бушменов, эфиопов и банту. Ты видишь, как ветер свободы начинает разгуливать по копям и плантациям, как со скрежетом, треском и грохотом рушится темница колониализма. Очень весело смотреть на все это!

— Я наблюдаю и другие приятные явления,— сказал африканский Крокодил.— Пощупай-ка эту подводную стену. Это не базальт, а бетон. Он приготовлен по московскому рецепту. Это — основание высотной Асуанской плотины, которая строится здесь, в ОАР, по проекту и с помощью Советского Союза.

На этом братья расстались. Африканский Крокодил принялся дожевывать аппетитный пробковый шлем какого-то плантатора, а московский нырнул в пучину Нила.

Вынырнул он у того же Краснохолмского моста, так что чуть было не угодил на спиннинг школьника Вити.

— Ты что, Крокодил, из Африки? — спросил Витя.

— Оттуда,— успел ответить Крокодил, прыгая на подножку троллейбуса.

Ну, а потом Крокодил собрал своих помощников и сказал:

— Давайте-ка, братцы, посвятим очередной номер Африке. Не потому, что там родился я, а потому, что там умирает колониализм.

Вот именно таким образом (хотите — верьте, хотите — нет) и появился на свет этот номер журнала, который вы сейчас держите в руках.

ИТАК, АФРИКА...

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.
Если к началу 1960 года в Африке было 10 независимых государств, то к концу года их будет около 25.
МОЛОДАЯ МАТЬ

Ю. ЧАПЛЫГИН

Чистые манжеты

ВОЗМОЖНО, со стороны это выглядело милым чудачеством старого Нейла. Но глава банкирского дома «Портфеллер и внуки» относился к своему увлечению с повышенной серьезностью.

Поздними вечерами, возвратившись из своего оффиса в загородную виллу, Нейл Портфеллер запирался в кабинете, откупоривал бутылку крепкого «Мартини» и беспечно беседовал... с портретами.

Да, да, именно с портретами... Вот они висят на стенах, поблекшие изображения свирепых британских колонизаторов, воинственных испанских конквистадоров, изворотливых португальских торговцев «черным товаром». Они висят в кабинете одного из самых влиятельных воротил Соединенных Штатов, скупленные за бесценок у разорившихся потомков изображенных джентльменов.

Портфеллер, или, как его любовно называл доверенный адвокат Коллит, «прожорливый кашалот Нейл», любил пообщаться со своими духовными праотцами.

— Ну что ты таращишь глаза, невежественный колонизатор?— Портфеллер метнул нежный взгляд в сторону портрета Сесиля Родса.—Я помню вашу классическую британскую схему. Посылка войск. Кровопролитие. Торжественный подъем «Юнион Джека» — английского флага. Назначение британского генерал-губернатора и британских надсмотрщиков. Малиновый перезвон прибылей, стекающих в подвалы Сити.

Старо, приятель, старо и провинциально!.. Мы действуем в иной, джентльменской манере. Мы прибываем в какую-нибудь знойную страну, демонстрируя рекламу самого демократического напитка в мире «кока-кола» и безукоризненную чистоту манжет.

Я полностью согласен с тем ученым малым, который открыл, что природа не терпит пустоты. Мы тоже ее не терпим. Как только после вашего ухода в колониях образуется вакуум, мы спешим его заполнить. Что поделаешь, этого тоже требует природа... доллара.

Но мы не везем с собой новых генерал-губернаторов. Ни боже мой! Зачем играть на нервах чернокожих? Американские советники, технические эксперты, наконец, посол будут править вашей бывшей колонией эффективнее любого старомодного генерал-губернатора. Мои люди, не морщась, заседают вместе с цветными князьками в местных органах самоуправления. Ну, чем я не борец за свободу и независимость Африки?

...Мистер Портфеллер прервал свой затянувшийся монолог и обернулся к портрету, на котором был изображен напыщенный сановник в испанском камзоле с позументами.

— Хелло, старый боевой петух! Хелло, Пизаро! Погляди-ка, сколько шрамов хранит твое благородное чело... И зачем тебе надобно было самому лезть в драку и подставлять нос под стрелы краснокожих?

Я считаю, что осторожность— необходимая часть храбрости. Стреляю фактически я, но гашетки моих пулеметов нажимают другие. Особенно подходят для этой цели коллеги по НАТО и СЕАТО. Ха-ха! И потом я не треплю без надобности свой национальный звездно-полосатый флаг. Куда спокойнее и благороднее высаживаться под сенью небесно-голубого флага ООН!

...Мистер Портфеллер утомленно отхлебнул из рюмки доброго «Мартини». Теперь его внимание привлек соколиный профиль предводителя норманнов — Вильгельма Завоевателя.

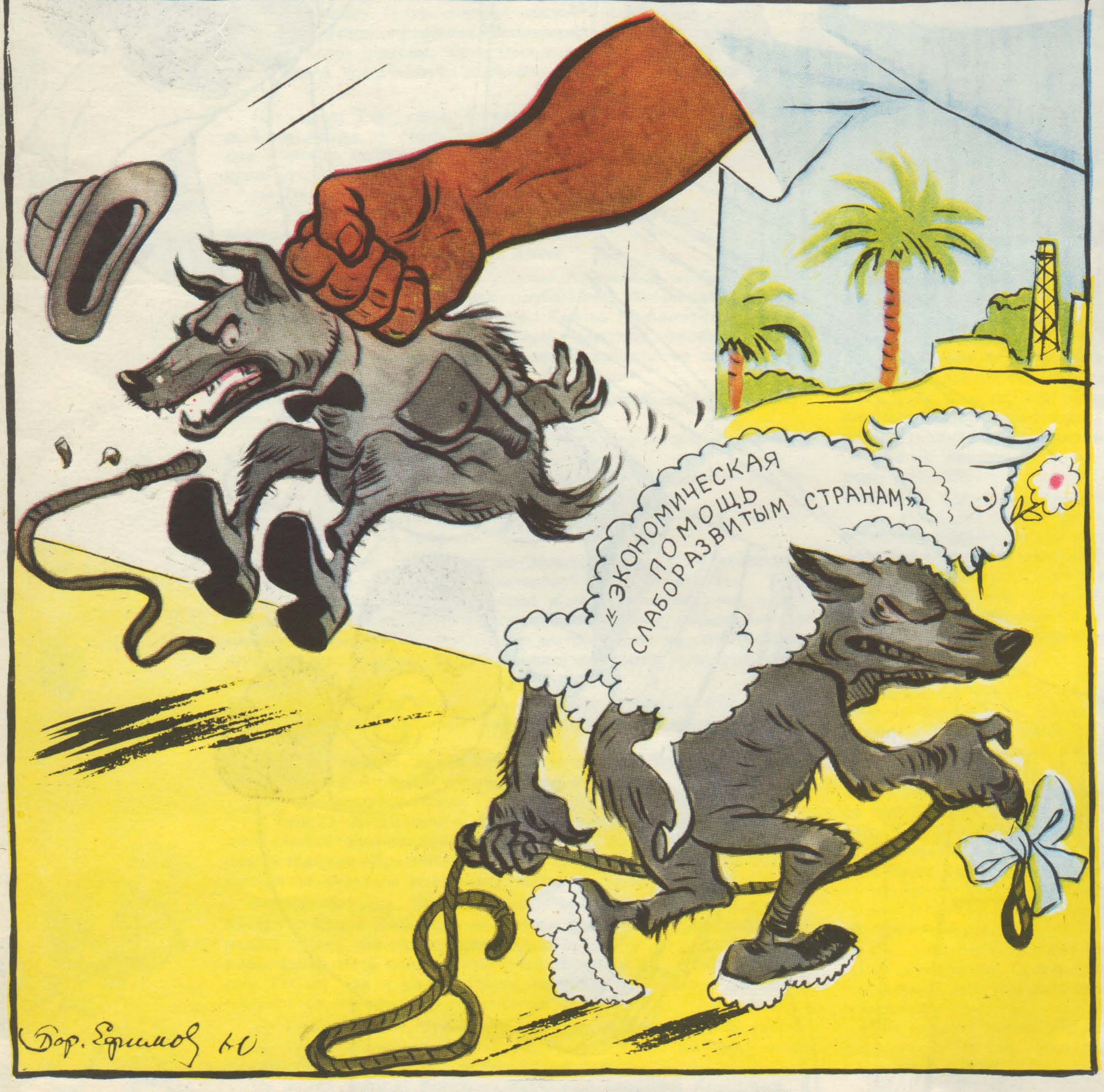
— Тебе не терпится вставить словечко, благородный Биль? Ты опять лезешь с советами, брюзгливый викинг? Но польза советов измеряется доходами, которые они приносят. Что за жалкую поживу притаскивал ты из походов! Мои призы крупнее. Сейчас я веду борьбу за самую богатую добычу на земном шаре — за Африку. Но не подумай, что я действую алебардами или двуручными мечами. Инвестиции — так называется, друг мой, наше оружие. Я щедро вкладываю капиталы в расширение рудников и плантаций. Разумеется, на самых демократических началах: я получаю бублик, а черные — хорошо испеченную дырку от бублика... 2 миллиарда долларов вложили мы в Африку, и вот теперь 200 американских компаний работают, как хорошие насосы, откачивая из Африки прибыль, которая во много раз превзойдет эти 2 миллиарда.

Вот так-то, дорогой Биль! Зачем громыхать доспехами там, где можно добиться большего, действуя бесшумно. Все твердят, что мои ближайшие компаньоны Рокфеллеры влезли в Катангу в 1950 году, когда купили у бельгийцев толстый пакет акций. Но мало кто знает, что на самом деле Рокфеллеры пробрались в Катангу, так сказать, с черного хода еще в 1906 году под вывеской британской компании «Танганьика консэшнс»! Маленький, но весьма прибыльный маскарад!

Портфеллер задумался. Потом, почему-то погрустнев, сказал, обращаясь уже не к портретам, а к самому себе:

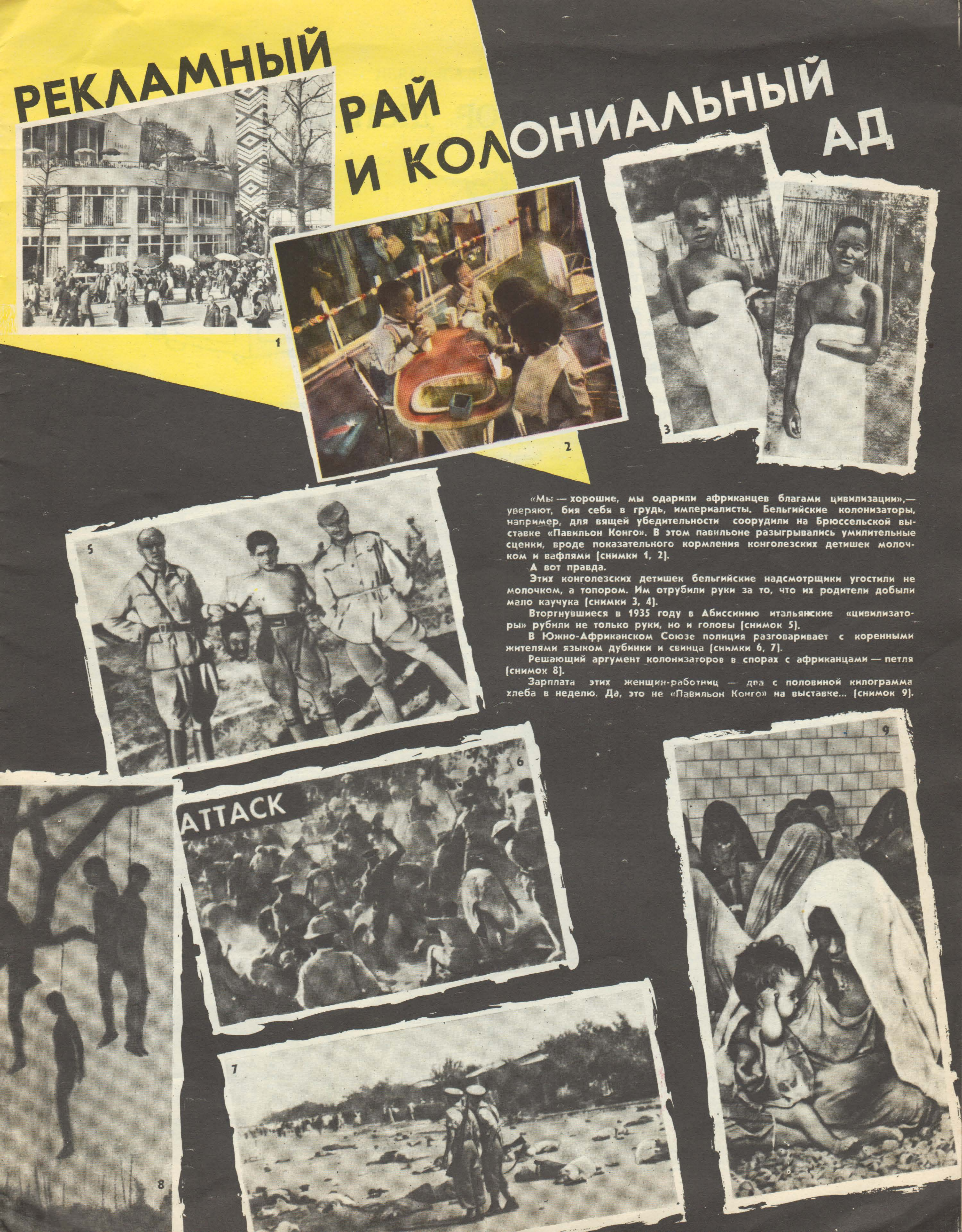
— Так-то оно, конечно, так, но черные, кажется, начинают догадываться... Несмотря на стиль «модерн», работать становится все труднее. Что-то в последнее время черные с подозрением поглядывают на мои белые манжеты... Ах, черт побери, откуда на них взялись пятна крови? Опять мои камердинеры из НАТО недосмотрели!..

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— **Мой коллега просто неудачно оделся...**

РЕКЛАМНЫЙ РАЙ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ АД

«Мы — хорошие, мы одарили африканцев благами цивилизации»,— уверяют, бия себя в грудь, империалисты. Бельгийские колонизаторы, например, для вящей убедительности соорудили на Брюссельской выставке «Павильон Конго». В этом павильоне разыгрывались умилительные сценки, вроде показательного кормления конголезских детишек молочком и вафлями (снимки 1, 2).

А вот правда.

Этих конголезских детишек бельгийские надсмотрщики угостили не молочком, а топором. Им отрубили руки за то, что их родители добыли мало каучука (снимки 3, 4).

Вторгнувшиеся в 1935 году в Абиссинию итальянские «цивилизаторы» рубили не только руки, но и головы (снимок 5).

В Южно-Африканском Союзе полиция разговаривает с коренными жителями языком дубинки и свинца (снимки 6, 7).

Решающий аргумент колонизаторов в спорах с африканцами — петля (снимок 8).

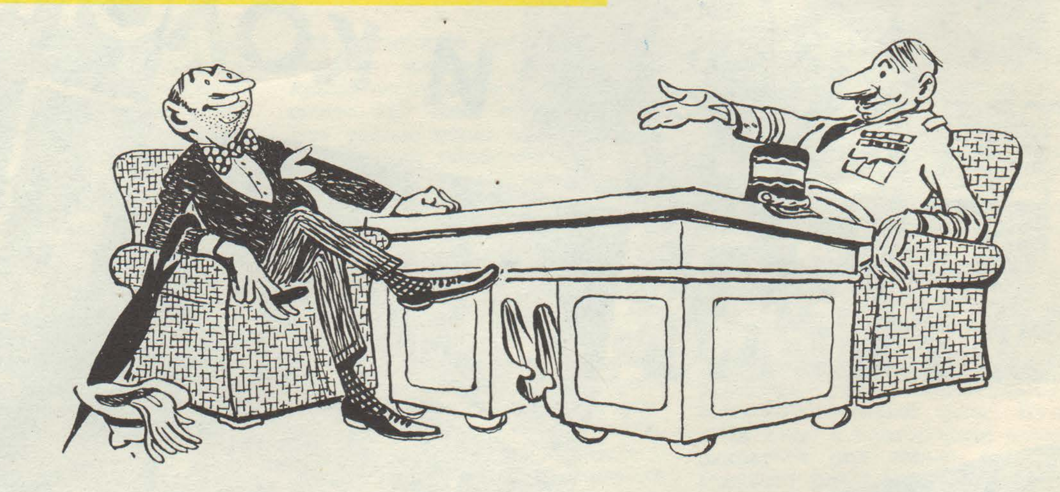
Зарплата этих женщин-работниц — два с половиной килограмма хлеба в неделю. Да, это не «Павильон Конго» на выставке... (снимок 9).

МАВАХИБ АЛЬ-КАЯЛИ

РАССКАЗ

ЕФРЕЙТОР ДЮПОН

Летом 1957 года Жак Дюпон был вызван в «Отдел заморских территорий», как указывалось в повестке, для «службы во славу Отечества».

Месье Дюпон — французский гражданин, обладающий собственной философией. Философия эта заключалась в том, что добрые отношения между людьми рождаются за бокалом вина. Значит, все очень просто: надо увеличить число кафе.

Иностранцы, посещающие «Кафе де ля Пэ», знают, что месье Дюпон всегда поможет им насладиться радостями парижской жизни. Стоит ему приметить в кафе подходящего иностранца, как месье Дюпон, отодвинув стул и повернувшись лицом к посетителю, с отеческой улыбкой произносит свою стандартную фразу:

— О, вы, я вижу, не здешний!

Затем он подходит к иностранцу и, приняв позу Мирабо, произносящего речь, начинает рассказывать о золотых деньках французской столицы. Сказав пару слов о братстве народов, он просит сигарету. Рассыпаясь в комплиментах приезжему, месье Дюпон не забывает раскланиваться с девушками. Если же гость тоже проявляет интерес к какой-нибудь из них, Дюпон с готовностью вызывается устроить знакомство... Тут появляется третий бокал, на гостя сыплются отеческие советы:

— Самые вкусные ужины в ресторане «Легкий кролик»... Не платите хозяину комнаты больше чем три тысячи франков... Мадемуазель очень нравится, как одеваются в вашей стране...

Однако после того, как месье Дюпон получил вызов в «Отдел заморских территорий», его философия претерпела некоторые изменения. Он понял, что высокие идеалы нуждаются в храбрых людях...

Офицер, который его принял (это был его старый знакомый еще со времен службы в Сирии), сообщил, что армия собирает своих лучших сынов «для спасения французской культуры от варваров».

Однако Дюпон был деловым человеком. Он в упор спросил:

— С каждого клиента я имею четыреста франков. А если попадается американец, беру долларами... Сколько я получу за службу в заморских территориях?

Офицер снова начал было распространяться о высоких идеалах, но месье Дюпон резонно напомнил ему, что политики, сводники и офицеры колониальных войск обычно книжные страницы употребляют вместо туалетной бумаги. Услышав это важное замечание, офицер выпрямился.

— Дюпон, ты ефрейтор в отставке. Ясно? Но мы будем платить тебе жалованье капитана. И закроем глаза на то, что ты заработаешь... гм... побочным путем.

Через несколько дней клиенты «Кафе де ля Пэ» узнали, что месье Дюпон получил особое задание, связанное с делами республики. Месье Дюпон преобразился. Пряди его волос, прикрывавших лысину, были выкрашены в черный цвет.

...Это было давно, еще в 1937 году, когда он, Жак Дюпон, простым солдатом поехал в Сирию. В те дни голова его была полна убеждений, которые вколотили туда его начальники. Он твердо знал, например, что народ в Сирии отсталый и потому нуждается в насаждении культуры. Но в то же время это народ с порывами, необузданный. А посему нуждается в воспитании. Он начитался журналов, где воспевались «чары Востока»: смуглые гурии, осыпающие своих возлюбленных ласками и золотом, жемчуг, рассыпанный прямо на земле.

Дюпон поехал в Сирию. Ему было тогда всего лишь двадцать лет. И он увидел, как смуглые гурии подняли оружие против пришельцев, как мужчины угощали их не благовонным вином, а пулей. Жемчуга не было и в помине, но зато были горы и скалы, за которыми скрывалась смерть, и еще были песчаные пустыни, по которым плелись усталые, перепуганные солдаты... И еще он увидел, что европейская цивилизация, которая пришла в Сирию, чтобы научить местных жителей есть вилкой, а не руками, украла у них всю тарелку с едой. И вилка оказалась ненужной.

Но солдат Дюпон должен был убивать, чтобы не быть убитым. А когда политические заключенные начинали петь патриотические песни, он должен был стрелять в них без всякой жалости, и они замолкали навсегда.

Вспоминая все это, Дюпон волновался. Еще бы! Теперь он должен по приказу «Отдела заморских территорий» отправиться в Алжир. Он знал, что «Отдел» создан не для развлечений, а для расправы с бунтовщиками в Алжире. И некоторые опытные люди в высших кругах предложили использовать для этого старых, видавших виды солдат.

Волновался Дюпон еще и потому, что не знал, сколько протянется эта кампания, которая длилась с 1954 года.

...Страхи Дюпона прошли, как только он приехал в Алжир. Его окрылило то, что французская армия использует современную американскую технику.

Во времена его службы в Сирии оружие французских солдат было просто примитивным по сравнению с современным. Орудия «заботы» о заключенных ограничивались железными наручниками-кольцами и кнутом. Теперь же союз с Америкой изменил эти средства. Оружием французской армии в Алжире стали самолеты, пулеметы, фугасные и напалмовые бомбы. Компания «Дженерал моторс» начала выпускать электрические машины, облегчающие следователям их задачу, а современные остро отточенные наручники марки «СШЛ-13» являются предметом восторга тюремщиков, потому что причиняют узникам мучения при каждом движении.

В Алжире Дюпон узнал, что его и других победителей ожидает участок земли с фруктовым садом, двухэтажный домик и приличное пожизненное пособие.

Эта новость так взбудоражила ефрейтора, что ночью он, прежде чем заснуть, долго ворочался на нарах. Вдруг ему показалось, что он видит светящуюся дверь. Ему захотелось посмотреть, что же там, за дверью... Он поднялся, подошел к двери и открыл ее... Перед ним большой сад, полный фруктовых деревьев. Его встретил незнакомый ему человек со словами:

— Вы ефрейтор Дюпон?

— Да...

— Этот сад — награда за ваше участие в подавлении алжирской революции. А это ваш дом.

Ефрейтор Дюпон засмеялся от радости. Затем он стал осматривать сад. Ветви ломились от обилия плодов. Яблоки, груши, золотые абрикосы... Дюпон сорвал яблоко. Оно было румяным, как лица девушек Алжира... Он поднес его ко рту и надкусил... Но что это?

Очнувшись, Дюпон увидел вокруг себя хохочущих солдат и своего соседа, который страшно ругался, держась за зад.

Один из солдат сказал:

— Да, у Дюпона зубы не вставные!

Не желая прослыть сумасшедшим, Дюпон на другой вечер повел потерпевшего в кафе, чтобы вином и шутками сгладить неприятное впечатление от дурацкого инцидента. Они успели отойти от лагеря лишь на двести метров, как затрещали выстрелы...

Участок земли, который получил ефрейтор Дюпон, оказался значительно меньше обещанного.

Перевела с арабского
Е. БАТУРИНА.

ЛОМАЯ СТАРЬ, СВЕРГАЯ ГНЕТ

Тунис. Марокко. Нигер. Гана.
Гвинея. Того. Сомали...
На карте страждущей Земли
Чем были раньше эти страны!
Лишь пьедесталом для пяты
Тупого гнусного Насилья,
Юдолью дикой нищеты
Среди земного изобилья.
Но годы яростной борьбы
Им наконец победу дали.
Они хозяевами стали
Своей земли, своей судьбы!
...Еще не все оковы сбиты.

Еще не кончен грозный бой.
Бесстыдно тщатся паразиты
Оставить Африку рабой.
Но их она, как пыль, развеет
С дороги солнечной своей,
И в этом ей помочь сумеют
Мильоны преданных друзей.
Сплотясь в труде, мужая в сече,
Ломая старь, свергая гнет,
Крепя свой шаг, расправив плечи,
Свободной
Африка встает!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Рисунок Бориса ЛЕО.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

РУКА МОСКВЫ!

Кто виноват?

В 1910 году английский художник Дж. Ф. Морелл принес редактору лондонского журнала «Грэфик» рисунок земного шара. Редактор посмотрел на надписи:

«Революционные волнения в Мексике».

«Возмущение против иностранцев в Гватемале. Антианглийские и антиамериканские выпады».

«Восстание в штате Амазонас в Бразилии».

«Революция в Перу».

«Революция в Уругвае».

В этом месте редактор расстегнул крахмальный воротничок.

«Большая социалистическая забастовка и волнения во Франции».

«Революция в Португалии».

«Большая забастовка в Лисабоне».

Дочитав, редактор скорчил кислую мину.

— О, мне как раз не хватало этой детали! — воскликнул художник Морелл и несколькими взмахами карандаша придал земному шару выражение редакторского лица. (Сегодня мы перепечатываем этот рисунок из лондонского «Грэфика» за 1910 год.)

Прошло 50 лет.

И вот на днях к редактору крупной американской газеты пришел художник. Он принес рисунок земного шара. Редактор посмотрел на надписи:

«Волнения в Турции».

«Антиамериканские выступления в Японии».

«Революция на Кубе».

Тут редактору стало жарко, и он расстегнул нейлоновый воротничок.

«Большая забастовка моряков в Лондоне».

«Волна антиколониальных выступлений в Африке».

Редактор не дочитал до конца. Он снял галстук, расстегнул жилетку, вытер пот со лба и выкрикнул дурным голосом:

— Рука Москвы!

Возможно, редактор сначала расстегнул жилетку, а потом снял галстук — этого мы не знаем. Но то, что он при этом крикнул, нам известно вполне достоверно, потому что вопль «Рука Москвы!» раздается ежечасно и ежедневно со страниц буржуазных газет.

Во всех своих бедах реакционные политики и газетчики обвиняют коммунистов. Но не соблаговолят ли господа империалисты объяснить в таком случае, чья же рука действовала в 1910 году, когда они только еще учились выговаривать слово «коммунизм»? Столицей России в ту пору была, как известно, не Москва, а Петербург, где восседал на троне Николай II. Трудновато предположить, чтобы к революциям в Южной Америке и забастовкам в Западной Европе была причастна «рука Петербурга»!

Освобождением народов движет могучая рука Истории. И это совсем не та рука, с которой можно играть в ладушки-ладушки. Удерживать ее бесполезно. Всякий раз, когда империалисты пытаются это сделать, они основательно получают по рукам.

СЧАСТЛИВО УБИРАТЬСЯ!

Выбытие колонизаторов из колоний связано с целым рядом эвакуационно-транспортных проблем.

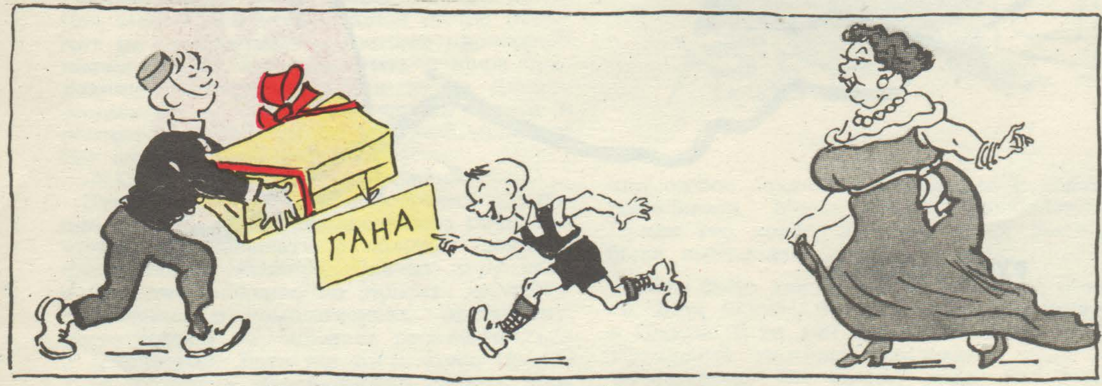
Так, на повестке дня стоит вопрос о пешем передвижении по пересеченной африканской местности. И не мудрено: драп-бросок с чемоданами в тропиках имеет свою специфику.

Впрочем, может случиться, что местные жители сами с готовностью помогут несчастному колонизатору добраться до ближайших средств транспорта.

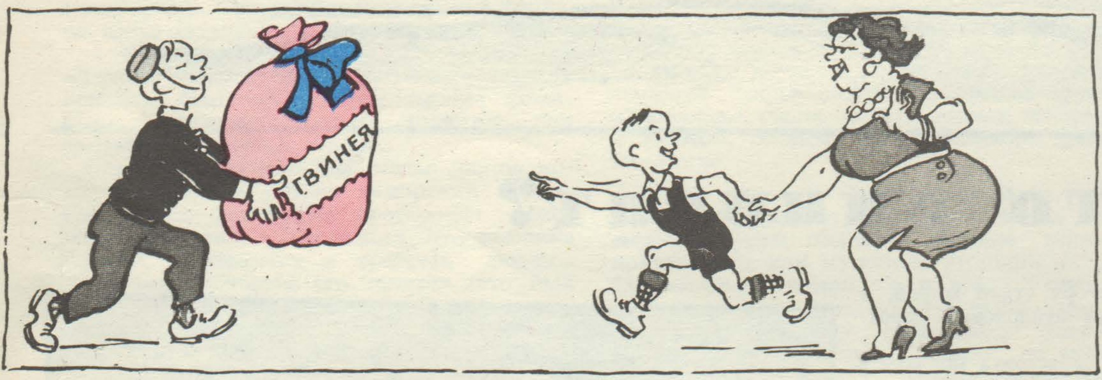
Не менее злободневна проблема расставания с туземным населением и встречи с близкими родственниками. Нередко напутственные пожелания африканцев не блещут салонной учтивостью. Именно по этой причине поклонник тропической экзотики, из дальних колониальных странствий возвратясь, далеко не всегда выглядит жизнерадостным бодрячком.

ПО ЭТИМ ВОПРОСАМ ИМЕЮТ СЛОВО КАРИКАТУРИСТЫ КРОКОДИЛА.

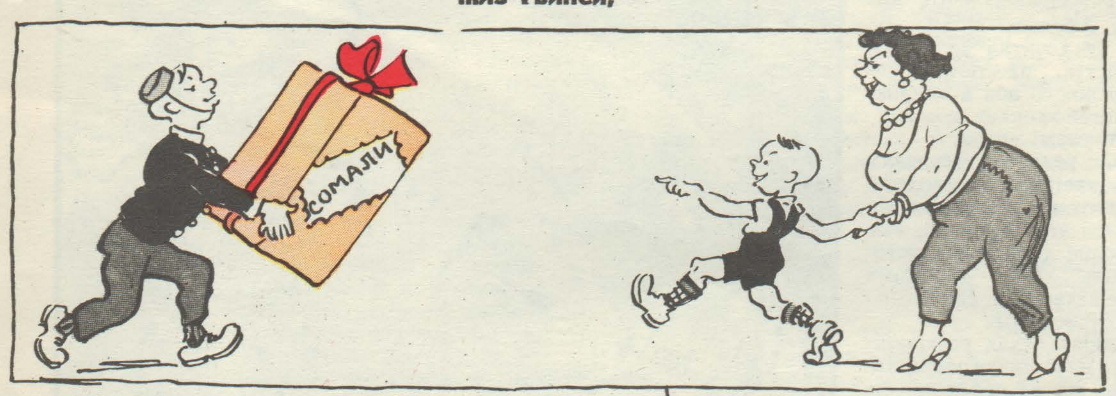
Рисунок А. БАЖЕНОВА.

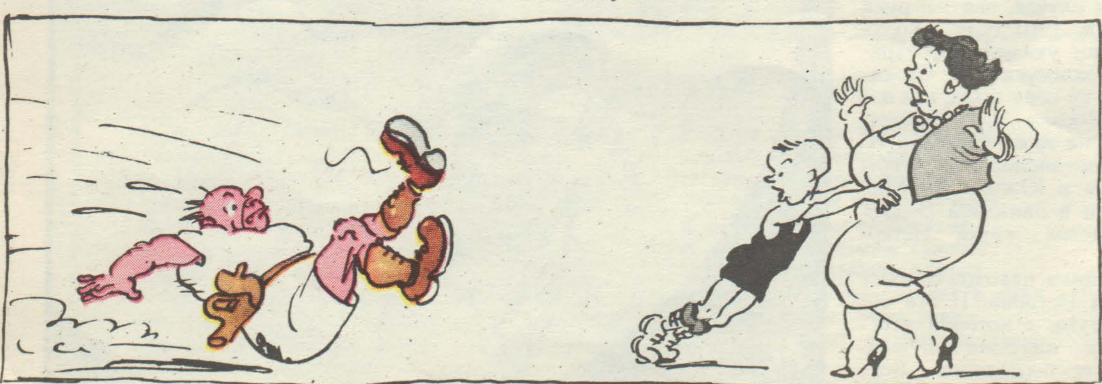
Раньше папа присылал посылки из Ганы,

...из Гвинеи,

...из Сомали,

...а теперь сам прибыл из Конго.

Как предохранить себя от ударов...

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

солнечного...

. . . .

«Импорт» — прежде...

Идя навстречу запросам покупателя...

Рисунок Е. ГУРОВА.

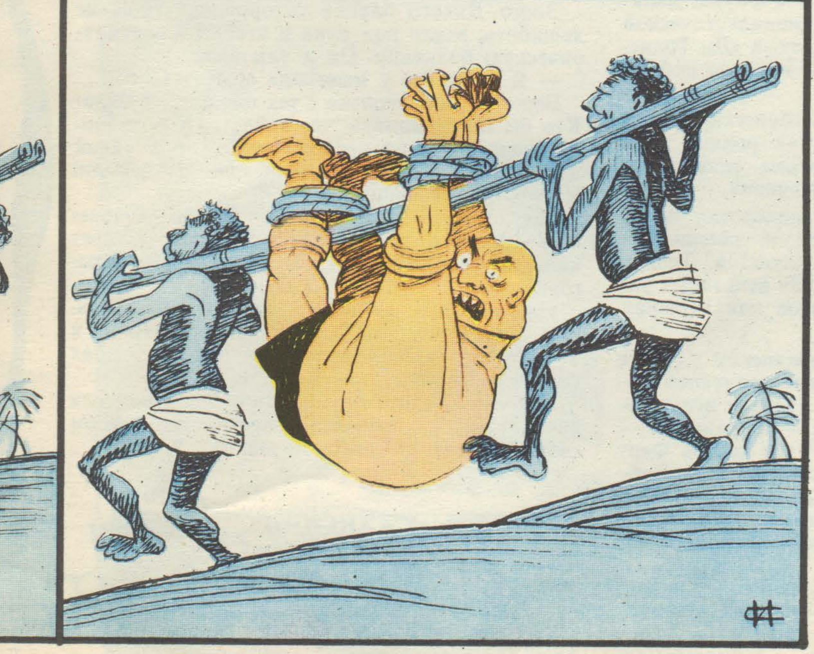

1946 год...

1960 год...

Рисунок И. СЫЧЕВА.

...«экспорт» — сейчас.

ЛИЛИПУТЫ И ГУЛЛИВЕР

Г-НУ ИЛЛИНГВОРТУ, РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «САНДИ ДИСПЕТЧ», ЛОНДОН.

Сэр!

Недавно мне на глаза попалась ваша карикатура, помещенная на страницах «Санди диспетч». Кто не помнит сцену из знаменитого романа Свифта, которую вы использовали для своего рисунка? Однажды, проснувшись, Гулливер почувствовал, что кто-то накрепко привязал его веревками к земле. А рядом стояли крохотные, ростом с еловую шишку, человечки, которые потирали руки и довольно хихикали: шутка ли сказать, какую глыбу полонили они, лилипуты!

Я хочу отдать должное вашему таланту и остроумию, сэр! Вы довольно точно и наглядно изобразили черного Гулливера. Его тоже долго стягивали тугими колониальными веревками, ему тоже не давали подняться и вздохнуть полной грудью.

Но лопаются сгнившие веревки! Вот уже порвались путы на одной ноге, напряглись стальные мышцы черного Гулливера, еще одно усилие — и рабские путы лопнут, как износившиеся нитки.

Тревожно забегали вокруг него лилипуты-колонизаторы. Они еще суетятся, угрожают Гулливеру, пытаются затянуть потуже канаты.

Я повторяю, все это вам удалось изобразить в высшей степени выразительно.

Но события несутся стремительным горным потоком, и жизнь карикатуры в наши дни коротка! Порой не успевает еще высохнуть типографская краска на листе, а рисунок умирает, теряет свою остроту и злободневность. Так случилось и с вашей карикатурой, которую мы воспроизводим. Она была опубликована совсем недавно, но сегодня уже безнадежно устарела. Гулливер, которого вы изобразили распластанным на земле, встал во весь свой могучий рост. А колонизаторам он что ни день дает такого пинка, что они, кувыркаясь, летят до самых метрополий, обгоняя, как сказал бы О'Генри, свой собственный визг! Пришлось мне опровергнуть вашу карикатуру. Что я и сделал на обложке этого номера Крокодила.

Иван СЕМЕНОВ,
художник КРОКОДИЛА

Когда этот номер журнала был сверстан, я обнаружил в нем зияющий пробел. В самом деле, как можно говорить о колониализме и ни словом не упомянуть английского поэта Редьярда Киплинга, вдохновенного барда империалистического разбоя, восторженного певца колониального рабства?! Нельзя! — сказал я и решил немедленно восполнить этот пробел, опубликовав хотя бы кусочек из известного стихотворения Киплинга «Бремя белых». Комментарии мои.

КРОКОДИЛ

БРЕМЯ БЕЛЫХ

Несите бремя белых 1,—
И лучших 2 сыновей
На тяжкий труд 3 пошлите
За тридевять морей;
На службу к покоренным 4
Угрюмым 5 племенам,
На службу к полудетям,
А может быть,— чертям 6.
Несите бремя белых 7,—
Сумейте все стерпеть 8,
Сумейте даже гордость 9
И стыд преодолеть 10...

Редьярд КИПЛИНГ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Золото и какао, алмазы и ананасы, слоновая кость и пряности, добытые под бичом надсмотрщика,— это что? Груз. А груз — это что? Бремя. Итак, если бледнолицый землепроходец увозит к туманным берегам Альбиона полные трюмы колониальных товаров, то он тем самым несет бремя белого человека.

2 Отпетый головорез с большой колониальной дороги мог бы утереть носы многим скромным карманникам и застенчивым специалистам по взрезыванию сейфов. Он неизмеримо лучше, чем они, владел искусством отъема чужой собственности вопреки воле владельца. В этом смысле он лучший.

3 См. прим.1 и прим.2.

4 Малый размер строки и большой размер спеси не позволили Киплингу написать «временно покоренным».

5 Будешь угрюм, если принять во внимание упомянутое в прим. 1, 2, 3, 4.

6 Вопиющий разнобой в психологических характеристиках, очевидно, объясняется разными стадиями знакомства. Местные племена встречали бледнолицых пришельцев с детским любопытством и незлобивостью. В дальнейшем проявили чертовское нежелание влачить рабское ярмо.

7 См. прим.1.

8 Имеется в виду жаркий климат тропиков, несколько умеряемый ледяным пуншем, и жаркая ненависть порабощенных, ничем не умеряемая.

9 Вероятно, описка. По всем имеющимся данным, колонизаторам гордиться абсолютно нечем.

10 Самая легкая задача, стоявшая когда-либо перед империалистами.

АРК. ВАСИЛЬЕВ

Дикий барин

Слово «сегрегация» можно толковать по-разному: расширенно и кратко.

Расширенно — это означает отделение негров от белых: запрещение жить в одних домах и даже в одних частях города с белыми, посещать театры, рестораны и другие места, в которых бывают белые.

Кратко это заменяется одним словом — «ненависть». Можно в крайнем случае добавить еще слово — «презрение».

Могут ли ненависть и презрение служить политическими убеждениями? Невероятно, но могут. Есть, говорят, примеры. Оказывается, что основополагающей идеей всей жизни и деятельности доктора Хендрика Френча Фервурда — руководителя националистической партии и премьер-министра Южно-Африканского Союза — является сегрегация, или, как мы условились кратко понимать, ненависть плюс презрение.

Это не вымысел фельетониста. Об этом совершенно серьезно заявлено в биографической справке о Х. Ф. Фервурде, опубликованной в «Каррент байографи» — американском сборнике биографий. Так и сказано: «Его считают создателем доктрины полной расовой сегрегации». Не просто сегрегации, а полной. А это что-нибудь да значит. Не будет же вполне солидный орган «Каррент байографи» искажать образ главы дружественного государства!

Человеконенавистничество имеет разные корни. У одних оно вырастает от недомыслия, у других от глупости, у третьих от воспитания. Каковы бы ни были корни, плоды всегда гадки. Но самый омерзительный тип—это ученый-человеконенавистник. Самый опасный тот, кто убежден, что его «теория» или «доктрина» главная. Самый вредный тип — это энергичный человеконенавистник.

Х. Ф. Фервурд соединяет в себе все три типа. Он ученый, убежденный и энергичный. Он родился в Амстердаме в начале века, но прожил там только один год. Это хорошо для Нидерландов. Соотечественники могут в свое оправдание заявлять: «Он воспитан не нами».

Детство создателя доктрины полной расовой сегрегации прошло в Южной Родезии, в городе Булавайо, где его отец был миссионером реформистской церкви. Детские впечатления, говорят, самые сильные. Возможно, будучи ребенком, будущий доктор однажды заметил, что кто-то из черных слуг белого миссионера плохо почистил ботинки господскому сыну или, не дай бог, не так сварил кофе. Во всяком случае, известно, что Х. Ф. Фервурд не любит африканцев с детства.

Первоначальное образование будущий премьер-министр получил в Милтонской школе в Булавайо. Негры, жившие по соседству, тогда, понятно, не могли предполагать, какие скверные мысли появятся в голове этого мальчишки, как правило, получавшего в школе средние отметки. Наверно, негры думали: «Ну, бог с ним, вырастет обыкновенный, заурядный, рядовой колонизатор». А вырос создатель доктрины.

Есть создатели доктрин, хотя и человеконенавистнических, но крупных, вроде попа Мальтуса. Х. Ф. Фервурду, конечно, далеко до этих столпов. Его доктрина не войдет ни в хрестоматии, ни в учебники. Возможно, когда-нибудь ее включат в уголовное право. Хватит с него и этого.

Свои практические наблюдения в Южной Родезии теоретик полной расовой сегрегации подкрепил знаниями, полученными в 1926—1927 годах в трех немецких университетах — в Гамбурге, Лейпциге и Берлине. Вполне вероятно, что, кроме лекций профессоров, пытливый молодой человек ненароком, а возможно, и преднамеренно посещал Адольфа Гитлера. Что-то уж очень много в деятельности Х. Ф. Фервурда от гитлеризма, гораздо больше, чем от науки.

Родство душ у нынешнего премьер-министра с бывшим рейхсфюрером изумительное. И недаром же «Каррент байографи» вносит еще один малохудожественный, но деловой мазок в жизнеописание доктора психологии: «Во время второй мировой войны д-р Фервурд, являясь редактором газеты националистической партии Южно-Африканского Союза «Ди Трансваалер», с триумфом встречал каждую победу нацистов».

Именно в это время иоганнесбургская газета «Стар» заявила, что «духовная родина д-ра Фервурда — скорее гитлеровская резиденция Берхтесгаден, чем Южная Африка».

Наверное, сейчас доктор психологии очень раскаивается в том, что тогда по оплошности назвал выступление «Стар» клеветой. Теперь слова «Стар» прозвучали бы для некоторых заокеанских и европейских кругов как хорошая реклама Фервурда.

Этой весной в Южно-Африканском Союзе вспыхнули волнения, вызванные политикой расовой дискриминации. В ход пустили испытанное средство — огонь. Убитых — 61, раненых — 191. На кого свалить вину? И тут доктор Фервурд пошел по старому следу доктора Геббельса. Фервурд заявил: «Недавние волнения и демонстрации вызваны коммунистической агитацией». Трудно, видно, быть оригинальным даже в злодействе.

Какие новые руководящие идеи вынашивает создатель доктрины полной расовой сегрегации?

Вот совсем свеженькое высказывание Х. Ф. Фервурда. «Единственное правильное решение расовой проблемы,— сказал он,— заключается в том, чтобы белые и негры жили как хорошие соседи, но отнюдь не как одно целое. Но, разумеется, белые в Южной Африке должны управлять».

Доброе соседство, по Фервурду, определяется таксой.

За вход и за ожидание на вокзале, предназначенном для белых, африканец должен уплатить 50 фунтов стерлингов штрафа и подвергнуться трехмесячному тюремному заключению.

За отдых в парке на скамье, предназначенной исключительно для белых,— 300 фунтов штрафа, тюремное заключение на три года и десять ударов плетью.

Все расписано, все оценено.

На обучение белого ребенка — 34 фунта стерлингов в год. На африканского—4 фунта 14 шиллингов.

Белый и небелый захотели вместе выпить в кафе чаю или кофе — небелому плеть, белому штраф.

Все как у милых соседей.

Для большей убедительности Фервурд, отстаивая это приятное соседство, объявил: «Такова была политика нашей страны в прошлые 300 лет. Такова была политика всех основателей Союза. Такова будет политика грядущих поколений!»

Я долго вспоминал, где я слышал нечто подобное о политике за 300 лет. И все-таки вспомнил. До революции в родном моем городе доживал век спятивший с ума бывший уездный предводитель дворянства. Фамилия его стерлась из памяти: не то Новиков, не то Никитин. Все в городе, от мала до велика, звали его «Дикий барин».

В бурные мартовские дни 1917 года, вскоре после свержения самодержавия, шла по городу рабочая демонстрация. Пылали кумачовые флаги, звучала революционная песня «Отречемся от старого мира...». Неожиданно на дороге появился бывший предводитель дворянства. Встал, широко расставил ноги, распахнул руки и закричал:

— Куда вы, хамы! Не пущу! Триста лет стоял дом Романовых и будет стоять тысячу!

Злого Дикого барина осторожно, чтобы не зашибить, взяли под руки и отвели в психиатрическую больницу. Он и там визжал:

— Я вас!.. Вы у меня еще поплачете!..

Боже ты мой, сколько с тех пор воды утекло! Кто бы мог подумать, что найдется у покойного Дикого барина последователь, по крайней мере в манере излагать свои заветные мысли! И вот, подите, нашелся...

«Сегр-регация! Господство белого человека!» — надсаживаясь, кричит Фервурд и бьет кулаком по подлокотникам своего премьерского кресла.

Точь-в-точь как когда-то стучал в бессильной ярости старый, злой Дикий барин, к несчастью для себя переживший полный крах своего сословия.

И в этом сходстве бывшего предводителя дворянства с нынешним премьер-министром своя историческая закономерность.

КООПЕРАТИВЫ ЧАРЛЬЗА СУОРТА

ЕДИНСТВЕННЫЕ в своем роде прокатные пункты созданы в Южно-Африканском Союзе. Инициатива принадлежит Чарльзу Суорту, генерал-губернатору ЮАС. Из врожденной скромности Чарльз Суорт не только не берет патент, но даже не гонится за рекламой.

Прокатные пункты системы Суорта намного удешевляют наемный труд. Именуются они КТФО. Это означает: «Кооперативно-тюремные фермерские общества». Сама тюрьма в этой системе и является кооперативом, только торгует она не крупой или сахаром, а... заключенными. Точнее, их трудом.

Брошенные за решетку по любому пустяковому поводу африканцы превращены в товар. Прокатные пункты действуют безотказно.

В шесть часов утра некий деловитый фермер подъезжает на грузовике к воротам ближайшего филиала КТФО. Между ним и тюремщиком (так сказать, работником прилавка) происходит примерно такой диалог:

— Сколько вам? На какой срок?

— Штук тридцать — сорок. Давайте лучше сорок. На один день.

— Пожалуйста. Вон они там, грузите. С вас, значит, три фунта десять шиллингов из расчета один шиллинг девять пенсов за штуку.

— Вот у меня приготовлено без сдачи. Будьте здоровы!

«Товар» погружается и увозится на плантацию деловитого фермера, где предстоит не менее чем десятичасовой рабочий день под наблюдением надсмотрщика с хлыстом в руках.

В стране имеется уже 25 подобных «кооперативных» тюрем, построенных на частные средства фермеров. Регулярным заполнением их ведает департамент тюремных учреждений. Туда африканцы загоняются за то, что забыли дома пропуска или не выплатили вовремя налоги, за неосторожный взгляд, слово или движение, показавшееся «подозрительным». Чтобы «кооперативы» не пустовали и на «полках» всегда был свежий «товар», ежедневно арестовывается до тысячи человек. Мистер Верстер, директор тюремной сети, с удовлетворением сообщил недавно, что «восемьдесят тысяч человек в год отбывают различные сроки заключения и работают на фермах».

Фермеры довольны: они имеют баснословно дешевую рабочую силу (свободным рабочим пришлось бы платить по шесть — восемь шиллингов в день). Довольны и хозяева ЮАС: доходы от тюремных касс идут в государственную казну.

Короче говоря, Чарльз Суорт имеет все основания заявлять: «Фермерские тюрьмы являются моим любимым детищем».

Изобретение Суорта тщательно прячут от глаз всего мира, подозревая, видимо, что оно едва ли вызовет рукоплескания мировой общественности. В прошлом году предусмотрительно был даже принят «Тюремный закон», гласящий, что считается уголовным преступлением, караемым годом тюремного заключения или штрафом в 100 фунтов, «фотографирование любой тюрьмы, части тюрьмы, заключенного или группы заключенных, находящихся в тюрьме или за пределами тюрьмы».

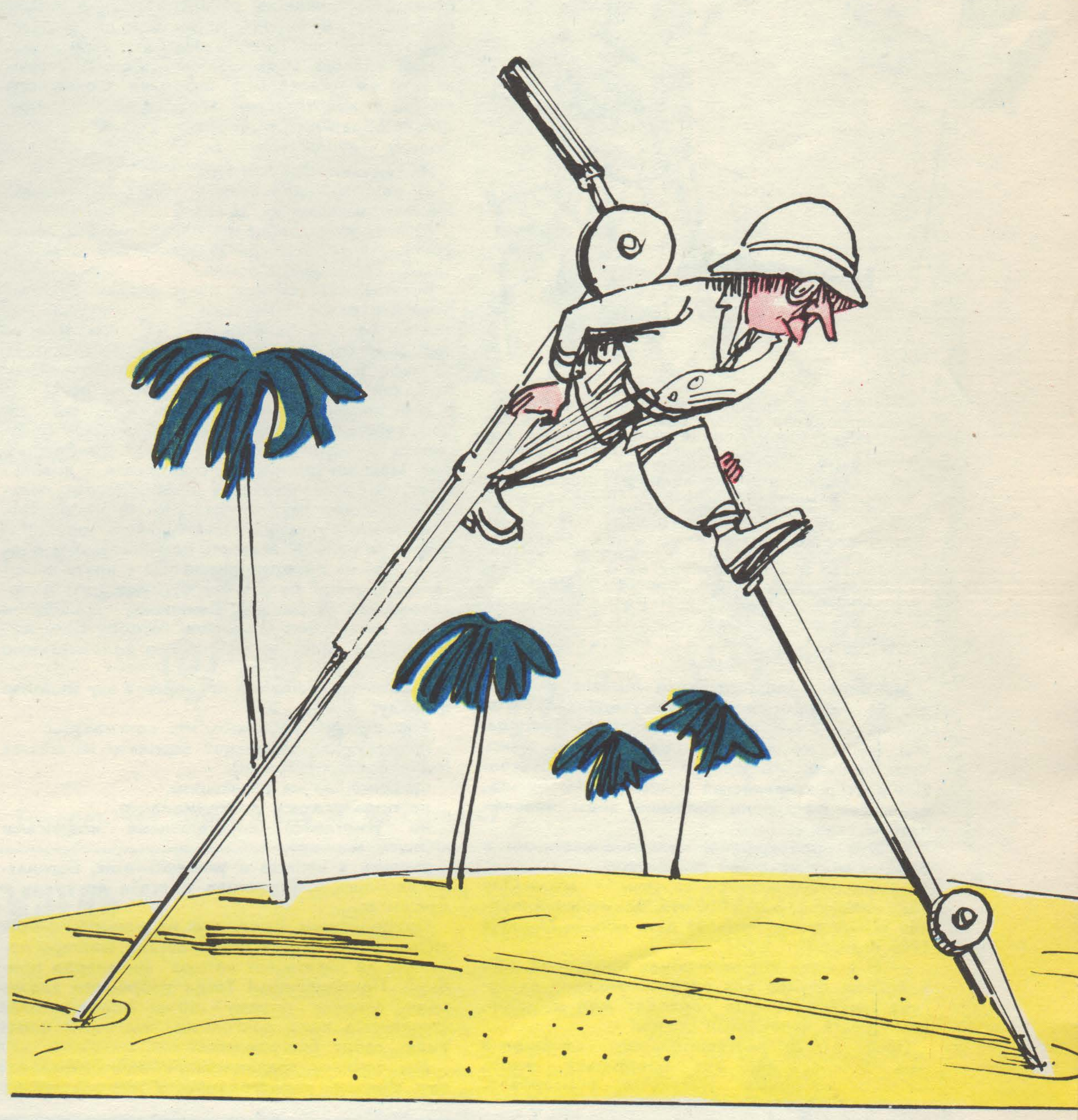
Тем не менее английскому еженедельнику «Трибюн» удалось добыть фото этого практического вклада генерал-губернатора Южно-Африканского Союза в новейшую историю колониализма. Перед нами КТФО в действии: надзиратель, занесший хлыст над привезенным на плантацию дешевым «товаром».

А. БАРАНОВА

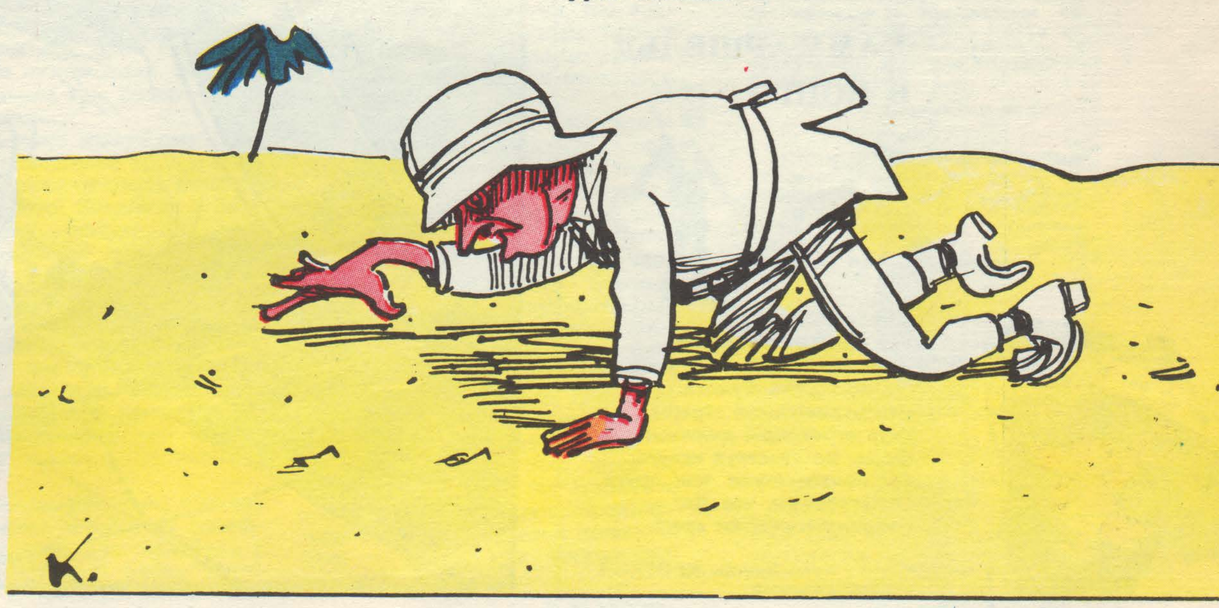

В Южной Родезии земля поделена таким образом, что у 200 тысяч белых — ¾ всей земли, а у 2,3 миллиона черных — оставшаяся четверть.

ЗЕМЛЕМЕР

Для белых...

и для черных.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

С МЕЛКОМ У ЗАБОРА

БЕЛЬГИЯ, БРЮССЕЛЬ,

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПУРКУА ПА?»

Вскарабкавшись на берег Конго, я решил после долгого плавания малость перевести дух. Солнце палило с явным перевыполнением плана. «Чем бы это прикрыть голову?» — подумал я и, осмотревшись, заметил какой-то журнальчик, полузасыпанный песком. Оказалось, это бельгийский журнал «Пуркуа па?», что по-русски значит «Почему же нет?». Разворачиваю и вижу — напечатано открытое письмо в Советский Союз. Прочитал я его и, будучи не в силах сдержать возмущение, послал в Брюссель нижеследующий ответ.

ГОСПОДА!

Мы прочли ваше послание. Мы его не поняли. За волнами слов мы не увидели берегов мысли. Оно нас поставило в тупик, господа. Мы никак не могли определить его жанр. Черт подери, что же это такое? Фельетон? Памфлет? Сатирическая эпистола? Мы бились, как львы, пока один видавший виды человек нам не сказал:

— Это произведение нельзя отнести ни к одному виду печатной литературы.

— Бросьте шутить! — сказали мы.— Оно ведь печатное. Вот смотрите, бельгийский журнал «Почему же нет?». И дата есть — 22 июля 1960 года.

— И все же это непечатная продукция, ибо в данном случае для воспроизведения авторских мыслей больше подходят мел и забор, чем бумага и печатный станок!

После этого неутешительного сообщения нам пришлось еще раз продраться сквозь частокол отборных ругательств, форсировать болото, наполненное сточными водами клеветы, чтобы как-нибудь добраться до смысла. Мы это сделали, господа. Не благодарите нас.

Нам удалось выяснить следующее. Оказывается, вы недовольны позицией Советского Союза в конголезском вопросе. Это побудило вас обратиться с открытым письмом к «господину Хрущеву».

Из письма явствует, что:

а) конголезцы являются убийцами, насильниками, эмиссарами дьявола;

б) все, кто защищает их, суть тираны, антихристы, апостолы коммунистической веры, а также сателлиты Москвы.

Вот так, оказывается, обстоит дело. Попытаемся же разобраться без шума и крика. Давайте, господа, беседовать, не прибегая к выражениям, заимствованным у завсегдатаев кабаков и вышибал домов терпимости. Начнем, так сказать, с предыстории вопроса.

Нам неоднократно приходилось читать в ваших газетах, что конголезцы жили при бельгийцах в экваториальном филиале небесного рая. Целыми днями они, счастливые и довольные, прогуливались под раскидистыми пальмами. Временами, чтобы размять кости, они спускались в шахты «Юньон миньер дю О-Катанга» за ураном. Малость поработав, они поднимались на поверхность, чтобы в кругу своей семьи распить бутылочку бургундского и полакомиться устрицами. Вечерами, прижав к груди цитру, они возносили господу богу музыкальную хвалу за счастливую колониальную жизнь.

Вы хотите, чтобы мы поверили в эту знойную легенду?

Хорошо, предположим, что конголезцы:

не получали нищенской зарплаты на шахтах (один доллар в месяц),

не голодали на плантациях,

не подвергались дискриминации,

не угнетались карательными кодексами «Юньон миньер»,

учились в школах и университетах, бесплатно лечились в больницах, плясали до упаду в дансингах.

Предположим даже, что не концессионеры «Юньон миньер», а конголезские шахтеры получили за десять лет четыре миллиарда прибыли. Предположим! Тогда разрешите задать один вопрос: почему столь облагодетельствованные вами конголезцы так люто ненавидят своих благодетелей?

Мы слышим традиционно-колониальный ответ: «Черные неблагодарны. У них все черно: мысли, желания, дела. Как только они получили свободу, у них развязались черные инстинкты».

Отсюда вывод: конголезцам свобода противопоказана.

Разумеется, господа, вы не произнесли этого вслух. Не написали и в письме. Такие идеи не афишируются. Теперь не принято. Не те времена. Но именно эта мысль гложет вас, разогревает ваш полемический темперамент, приводит в неистовство. Сладостные видения прошлого терзают ваши души. Ах, если бы можно было вернуть старые времена, старые нравы и старые дивиденды! Где ты, незабвенной памяти Леопольд Второй? Откликнись из небытия!

Мы понимаем, господа, вам невыразимо тяжело. Что потеряно, того не вернешь. Но даже в столь сумеречные для вас месяцы надо как-то попытаться сохранить чувство собственного достоинства. Не следует, господа, паясничать, кривляться, рвать на груди крахмальную рубаху. Со стороны это выглядит смешно и жалко. Зачем, к примеру, фиглярничая, вы завопили о сателлитах? «Хор сателлитов, управляемых из Москвы, повторяет лозунги о том, что несчастная республика Конго — жертва коварства бельгийских колонизаторов». О каких сателлитах идет речь? Вы же отлично знаете, что у нас нет друзей с фамилией Чомбе. Вашего верного картонного Чомбе. Вашего бонбоньерочного премьера Чомбе. «Любимца» Катанги, которого, да простят нам наши читатели, даже в клозет сопровождают бельгийские пулеметчики, чтобы оградить дорогого премьера от бурных и неожиданных проявлений верноподданнических чувств жителей Элизабетвиля.

Мы не думаем, господа, что вы являетесь вершителями судеб горнорудной империи Конго. Быть может, у вас — джентльменов из «Почему же нет?» — не наскребешь ни одной акции «Юньон миньер дю О-Катанга». Вы люди маленькие и сравнительно бедные. Вас просто наняли. Вам вручили мелок и поставили у забора. И вы начали самозабвенно вычерчивать бранные слова. Что ж, господа, каждый делает то, что умеет. Одни получают деньги за добытый их кайлом уголь, другие — за выращенные цветы, третьи — за песни. Вы получаете франки за сквернословие.

Нам остается только пожалеть вас и ваших читателей, которых, к счастью, не так уж много.

КРОКОДИЛ

ХАММАРШЕЛЬД В КОНГО

Даг прибыл в Африку.
У Дага —
Официальная бумага:
«Из независимой страны
Уйти агрессоры должны!»
Но те, не чувствуя испуга,
Его приветствуют как друга.
Они уверены, что Даг —
Колонизаторам не враг!

Эмиль КРОТКИЙ

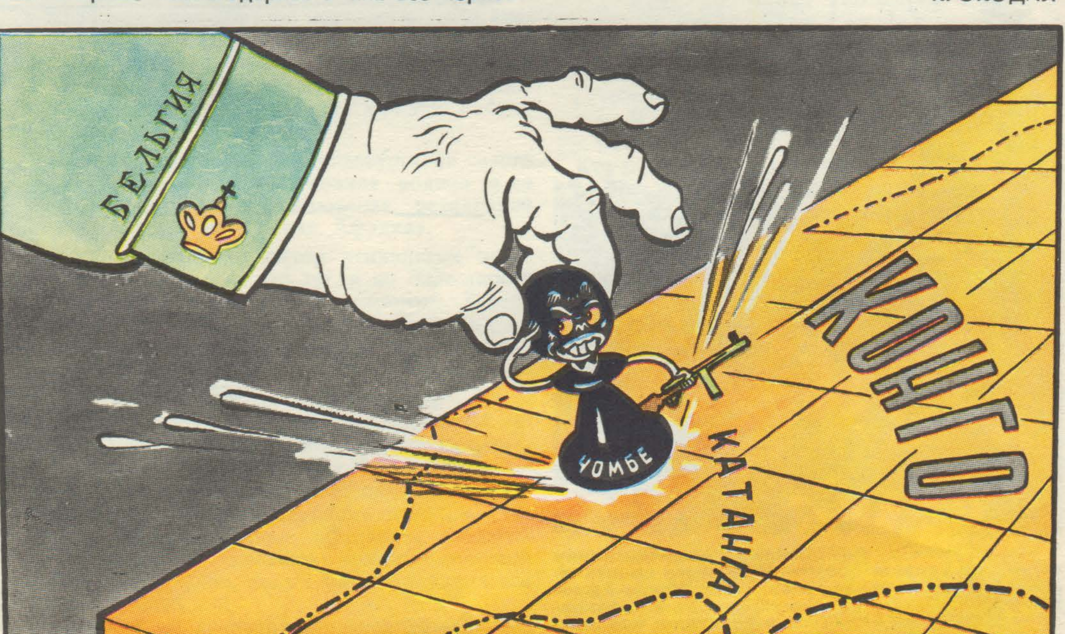
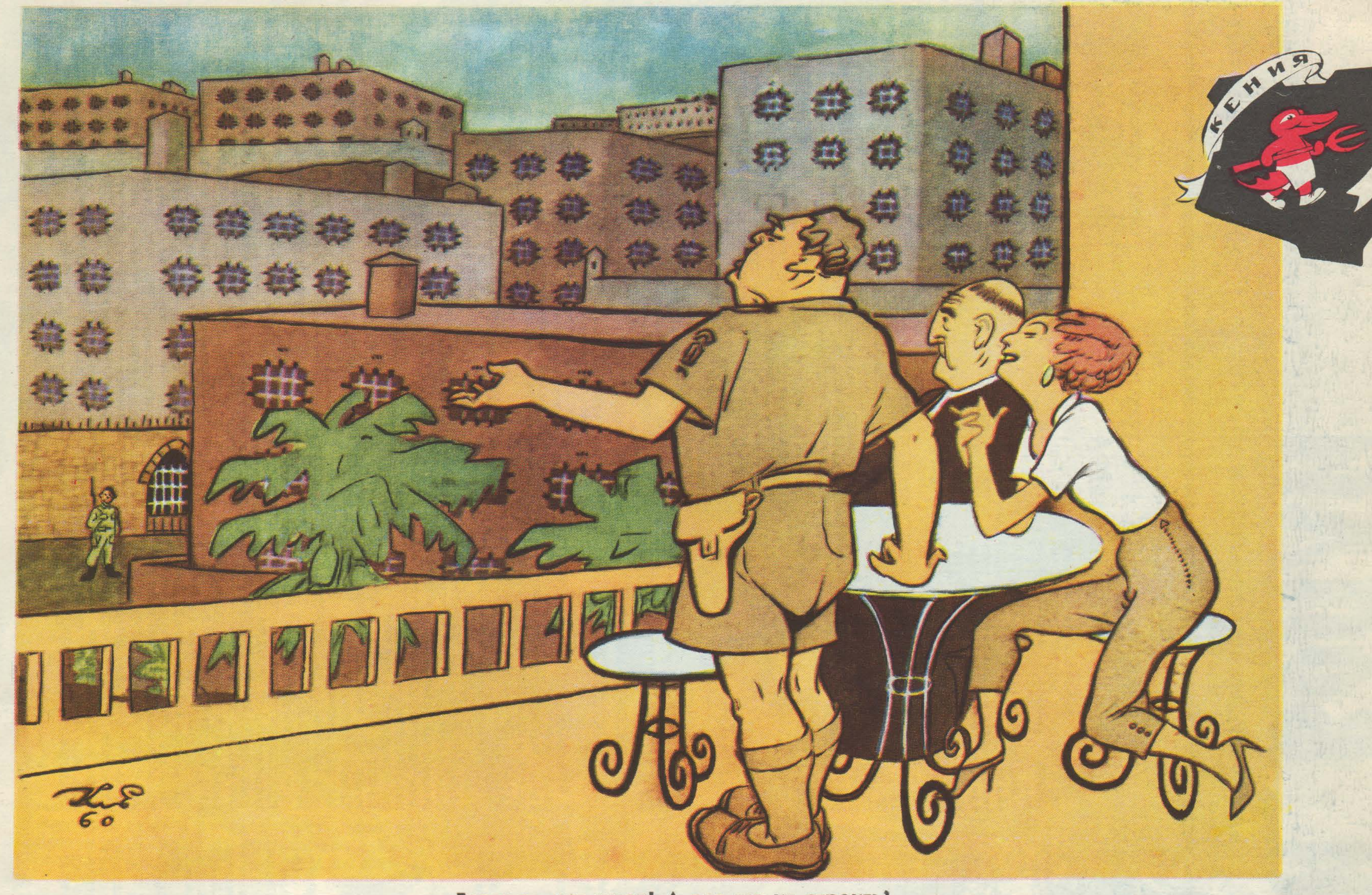

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

КОРОЛЕВСКАЯ ПЕШКА.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

За последние пять лет английские власти в Кении не построили ни одной школы. За это время ими выстроено 129 тюрем, в которых томятся тысячи патриотов.

— Говорят, нет школ! А где же их строить!

«СДЕЛАНО ДЛЯ ТУЗЕМЦЕВ»

БЫЛЬ

Каких высот не достигает любовь к ближнему! Один бристолец, ветеран фабианского общества и горячий поклонник белл-ланкастерской системы обучения, задумал написать и издать для бедных африканских туземцев книгу по кулинарии.

В основу этого высоконаучного труда он решил положить собственное меню. Правда, приступая к работе, он заколебался: среди всех своих знакомых он пользовался репутацией скромнейшего, а его меню, в свою очередь, было точной копией этой репутации. Опасения почти тотчас же подтвердились.

Главы книги, посвященные овощам и фруктам, не вызвали у него сильных творческих мук, но раздел «Мясо и изделия из него» ему пришлось писать буквально кровью своего сердца.

Старый гуманист из принципиальных соображений употреблял мало мяса и теперь, как ни бился, мог вспомнить лишь десяток-другой блюд.

— Баранина отварная в белом соусе, — бормотал он.— Готовую баранину вынуть из бульона... м-мм... нарезать тонкими ломтиками... Что я кушал еще из мяса? Ах, да! Сосиски! Мэри,— крикнул он жене,— ты не помнишь, что у нас было в прошлую среду?

— Лекция,— отвечала жена,— «Все люди созданы братьями».

— Да нет, я не о том. Что мы ели?

— Язык с изюмом.

Превосходное блюдо! Продукт цивилизации.

— Не забудь про гуляш! — кричала из кухни жена. Она как раз открывала там банку тушеной говядины.

На несколько минут ему пришлось оставить свой труд и пойти помочь жене открыть консервы. Но что это! Заглянув в банку, супруги отпрянули так, словно увидели там живого скорпиона. Вместо тушеной говядины в банке лежали... кожа да кости.

Кости были как кости, о двух концах, но кожа нахально курчавилась шерстью. По-видимому, в лучшие свои времена она принадлежала какому-то животному. Но какому, установить трудно.

Надев предварительно перчатки, сторонник всеобщего, равного и открытого питания взял в руки злополучную банку и отправился к мистеру Денни, поставщику мясных консервов для уважаемых жителей Бристоля.

Он вошел к мистеру Денни не поздоровавшись и бросил ему кости под нос.

Мистер Денни наклонился над консервами, с шумом втянул в себя воздух и с еще большим шумом его выдохнул.

— М-да,— сказал он,— попахивают... Но выдержка, сэр, выдержка в первую очередь. Пусть вас успокаивает то, что вы у меня не первый.

И он указал на стол, где возвышалась груда аналогичных костей... Можно было подумать, что у мистера Денни столуется семья гиен.

— Я импортирую консервы из Южно-Африканского Союза,— пояснил хозяин дома посетителю.— На сей раз произошла ошибка. Мне случайно прислали не ту партию товара. **Эти консервы предназначались для чернокожих африканцев.** Открыв банку, вы, к сожалению, открыли и истину. Да, туземцев кормят этой дрянью. Но вы не расстраивайтесь.

Собеседник мистера Денни не слышал больше, что говорил ему импортер тушеной говядины.

Он отказался в этот день от обеда. И от желания написать книгу по кулинарии, предназначенную для жителей подопечных и мандатных территорий Африки.

Е. ПАТРИК

КОЛОНИАЛЬНЫЙ СТОЛП

Перед нами четыре вырезки из английских газет, которые ясно и недвусмысленно говорят, на чем зиждился и кое-где еще продолжает держаться колониальный режим.

«Главным и наиболее поучительным выводом из последних беспорядков в Ньясаленде является необходимость иметь достаточно многочисленные и квалифицированные ПОЛИЦЕЙСКИЕ СИЛЫ».

(«Санди таймс».)

«ПОЛИЦИЯ применила дубинки, чтобы рассеять толпы, собравшиеся в Батерсте (Гамбия), когда туда прибыл для переговоров с местными лидерами британский министр по делам колоний Леннокс-Бойд».

(«Дейли мейл».)

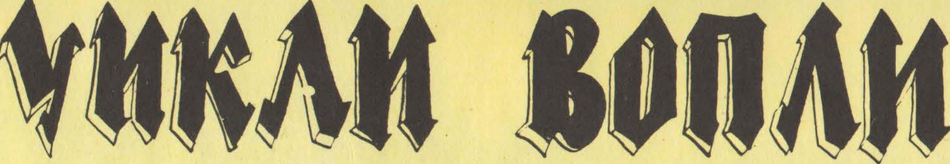
«ПОЛИЦИЯ открыла огонь по толпе африканцев, устроивших демонстрацию протеста против объявления вне закона Национального Движения Уганды».

(«Дейли мейл».)

«ПОЛИЦИЯ применила слезоточивые газы против населения Фритауна в Сьерра-Леоне, когда туда прибыл на переговоры министр по делам колоний Леннокс-Бойд».

(«Обсервер».)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СТРАЖДУЩИХ И АЛЧУЩИХ КОЛОНИАЛИСТОВ

«И опять скажу: да умудрит вас изгнание».

(От Павиана, финик VI, фига XII).

СОЛНЦЕ ЕЩЕ СВЕТИТ!

Бросая беглый ретроспективный взгляд на события последних недель, мы со смешанным чувством разочарования и надежды восклицаем: нет, не все еще потеряно!

Разумеется, трудно прыгать от восторга при мысли о том, сколько наших прекрасных и благодатных земель — от Ближнего до Дальнего Востока — уже отторгнуто и перешло в пользование наглых туземцев. Один агрессивный акт следует за другим. Колонии, протектораты и подопечные территории как будто бы выстроились в очередь за получением независимости. Это отвратительное зрелище глубоко оскорбляет наш взор.

Вчера на экстренном заседании редакционного совета газеты «Уикли вопли» принято решение обратиться в ООН с протестом против беззастенчивого захвата Гвинеи гвинейцами, Дагомеи — дагомейцами и так далее.

Мы уверены, что ООН нас поддержит! Да здравствует гуманный колониализм! Подайте гуманному колониализму!

Взносы принимаются в фунтах, марках, лирах, а также в долларах.

НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО!

Не подражайте миссис Глории, этой очаровательной супруге крупного плантатора из Танганьики, которая готова была столь примитивным способом отправиться к праотцам в случае предоставления этой колонии независимости.

К счастью, миссис Глория отказалась от своего ужасного намерения, после того как ей было сообщено, что предоставление Танганьике независимости будет проходить под наблюдением Дага Хаммаршельда.

Мы сами ушли оттуда

Сэр Сильвестр разоблачает выдумки красных

Наш репортер обратился с рядом вопросов к сэру Сильвестру Спринтли, только что вернувшемуся в Европу из Восточной Африки на борту нефтеналивного судна. Сидя в непринужденной позе на пустой бочке из-под газолина, сэр Сильвестр, пожилой благообразный джентльмен с седеющими усами, в течение нескольких минут не оставил камня на камне от коммунистических вымыслов о том, будто мы ушли из колоний под давлением туземцев, а не по доброй воле.

— Скажите, сэр, как долго вы плыли?

— Гораздо дольше, чем добирался от своей виллы до танкера.

— Как вас провожали туземцы?

— О, очень сердечно! Поверите ли, они едва меня отпустили. Можно сказать, с боем. Спасибо капитану...

— Итак, вы уехали оттуда по собственной инициативе и на вас не было оказано никакого давления?

— Кроме атмосферного. Не переношу африканского климата! Пятнадцать лет кое-как терпел, больше не могу.

— Выражали ли туземцы чувство благодарности за милостивое предоставление им независимости?

— Выражали, — ответил сэр Сильвестр, потирая благородный фиолетовый синяк на темени.

ОНА РЫДАЛА НА ГРУДИ ЛЕЙТЕНАНТА

Чарльз Дарвин утверждает, что страдать может любое животное, рыдать — лишь человек.

Недавно наш корреспондент оказался случайным свидетелем если не полного, то частичного опровержения дарвинизма. Вот что он сообщает из северо-восточного уголка бывшего Бельгийского Конго:

«Сегодня утром отсюда уходило последнее бельгийское подразделение. Командир роты лейтенант К., избегая встречи с местным населением, тайком пробрался к берегу озера Альберта, чтобы проститься с любимым другом. Тот уже ждал его в густых зарослях. Речь идет о гиене, которую лейтенант подобрал пять лет назад совсем маленькой и любовно выкормил. За эти пять лет они так привыкли друг к другу, что с удовольствием ели бы из одной тарелки, если бы позволял устав.

И вот прощание. Лейтенант в последний раз покормил свою любимицу свиной тушенкой.

— Я ухожу, — прошептал он, — а вместе со мной и демократия. Эти проклятые негры, видишь ли, захотели получить независимость. Мало им наберденной повязки! Прощай, мой друг! Я ухожу, оставляя здесь лучшие воспоминания и тебя.

Жадно глотая тушенку, гиена не сводила печальных глаз с лейтенанта. Потом из ее глаз хлынули слезы. Потом она положила голову на его грудь. Лейтенант не выдержал и заплакал сам. Потом они вместе зарыдали.

Сопровождаемая неприличными насмешками местного населения, на шоссе, примыкающем к берегу, вышла рота лейтенанта. Скрепя сердце он присоединился к ней...»

Как явствует из этого сообщения, бельгийские войска оставляют в Конго некоторых преданных друзей, которые питали к ним самые нежные чувства, основанные на общности интересов.

БУДУЩЕЕ ЛУЧЕЗАРНО, говорит виконт Жюль де Грабье

Брюссель. (От специального корреспондента «Уикли вопли»). Скоропостижно вернувшийся в Бельгию после сорокалетнего пребывания в Конго виконт Жюль де Грабье заявил:

«В скором времени наше господство в Конго будет восстановлено. Моя уверенность базируется на абсолютно достоверных сведениях, которые мне удалось получить вчера из первых рук — непосредственно от известной гадалки мадам Пуфпуф. Заглянув в кофейную гущу, она сказала с непоколебимой убежденностью: «Виконт, вы еще вернетесь в Конго».

Я поцеловал ее честную морщинистую руку.

— Аналогичные заверения, — продолжал виконт, — дал мне сегодня утром магистр оккультных наук месье Шарль Атан. Он усадил меня в лодку, предварительно положив туда простые крестьянские вилы. Когда мы выплыли на середину пруда, месье Шарль Атан вооружился вилами и начертал ими на воде следующее: «Конго снова будет бельгийским».

Получив столь авторитетные гарантии из двух обычно хорошо осведомленных источников, я с надеждой смотрю в будущее. Оно лучезарно».

МЕНЯЮ

очаровательное поместье в бывшем Бельгийском Конго (16 кв. км), прекрасную ферму в бывшем Британском Сомали (9 кв. км) и изумительную плантацию в бывшем Золотом Береге (7 кв. км) на квартиру в метрополии.

Согласен на меньшую площадь.

УТЕРЯНЫ

безвозвратно: Гана, Гвинея, Мадагаскар, Берег Слоновой Кости, Сомали, Дагомея, Нигер, Верхняя Вольта... (Продолжение списка в следующем номере.)

В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ

имеются различные дефицитные жиры и масла для смазывания пяток.

ПОКУПАЙТЕ! Если колонии, где вы живете, угрожает независимость, срочно запаситесь рюкзаками «Драпалон». Рюкзак элегантен, удобен и совершенно не стесняет движений во время бегства. Даже улепетывая, сохраняйте свое достоинство!

ВНИМАНИЕ! Покидая колонию, не забудьте посыпать голову высококачественным синтетическим пеплом фирмы «Пух энд прах»! Цены снижены!

Будет новое приложение!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Дорогой сэр! С глубокой скорбью я узнал в свое время из Вашей газеты, что Индия стала самостоятельной. Разволновавшись, я вызвал врача. Вот что он мне сказал:

— Мой друг, вам восемьдесят лет, из которых я вас лечу ровно половину. Если вы не хотите, чтобы наше знакомство оборвалось на этой цифре, бросьте читать свою газетенку.

— Сэр, — ответил я ему, — я начал выписывать эту «газетенку» на двадцать лет раньше, чем стал лечиться у вас.

Кое-как я пережил Индию. Но затем вы напечатали некролог о потере нами Суэцкого канала.

Я снова разволновался и, естественно, снова вызвал врача.

— Газета или жизнь, — сказал он мне.

После того как Вы напечатали целую серию весьма прискорбных сообщений о потере наших африканских колоний, я выбрал второе. Поэтому я вынужден отказаться от подписки на Вашу газету».

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ

«Достоуважаемый сэр! Умоляем Вас взять обратно свой отказ. Мы не можем лишиться такого подписчика. Вы в некотором роде символ долголетия нашего органа. На экстренном заседании редакционный совет решил создать специальное приложение к нашей газете. Оно будет предназначено только для Вас, сэр, и для Ваших единомышленников. Вот краткий план первых трех номеров приложения:

«Колониализм жив, как никогда»; «Миллионы африканцев и азиатов отказываются стать независимыми»; «Сегодня Джеймс Кук завершил свое первое кругосветное путешествие».

ПОГОДА

Вчера на севере, юге, востоке и западе африканского континента стояла очень скверная погода. Ураганными порывами ветра сорвано еще несколько британских, французских и бельгийских флагов. Тропические ливни во многих местах продолжали размывать почву под казармами европейских войск. Повсеместно наблюдались осадки в виде града обвинений по адресу доблестных носителей христианской цивилизации. Ощущались также сильные толчки, удары и пинки не вулканического происхождения.

Завтра, по сводкам наших метеорологов, в Африке будет еще жарче.

СПРАШИВАЙ — ОТВЕЧАЕМ!

ИЗ ПЕРЕПИСКИ КРОКОДИЛА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Уважаемый тов. Крокодил!
Сейчас, когда так много пишут об Африке, мне почему-то вспомнился фильм о Тарзане и особенно обезьяна Чита. Не знаешь ли, где она сейчас?

К. МАМОНТОВ

г. Рязань.

Дорогой товарищ Мамонтов! Охотно выполняем вашу просьбу. Нам удалось выяснить, что Чита сейчас находится в Конго, точнее, в провинции Катанга, и работает в бельгийском цирке в должности премьер-министра этой провинции. Откликается на кличку Чомбе.

КРОКОДИЛ

•

Привет, Крокодил!
Я читал, что недавно в Руанда-Урунди бельгийские колонизаторы украли из королевского дворца несколько богато украшенных барабанов. Почему они это сделали?

Витя БОЙЧЕНКО

г. Житомир.

Милый Витя! По привычке.

КРОКОДИЛ

•

Дорогой Крокодил!
Боннские газеты утверждают, будто бы в Камеруне, который до первой мировой войны был германской колонией, сейчас спят и во сне видят возвращение германских колонизаторов. Правда ли это?

Фрезеровщик В. УСТИНОВ

г. Великие Луки.

Уважаемый тов. Устинов!
В боннских газетах явная опечатка. Это в Бонне спят и во сне видят возвращение в Камерун. К счастью, народ в Камеруне не дремлет. Стремясь изменить географию, боннские милитаристы всегда попадали в историю. И притом в весьма для них печальную.

КРОКОДИЛ

СРЕДИ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ КОЛОНИЗАТОРАМ

Рисунок Ю. ГАНФА.

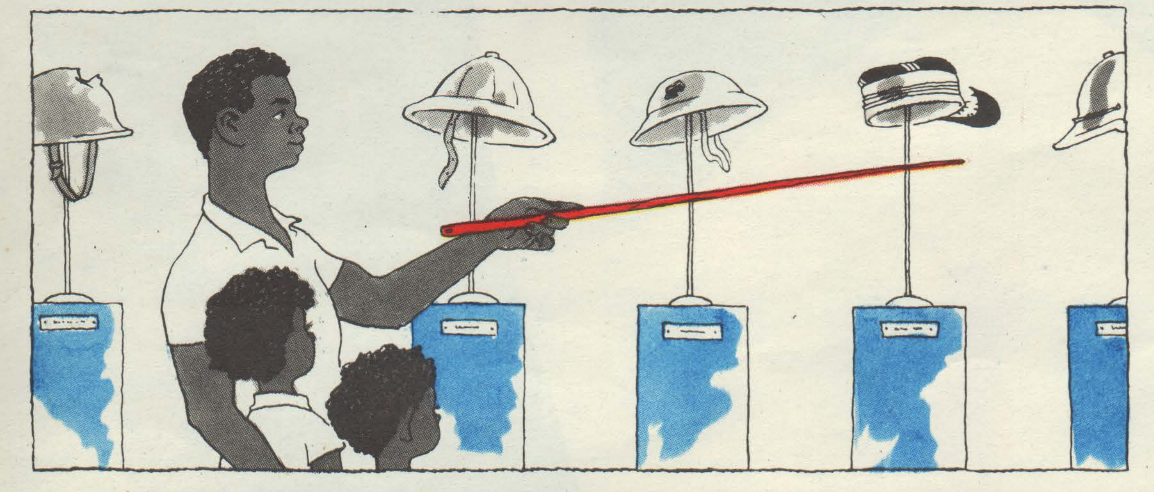

— Очевидно, господин французский губернатор вот-вот прибудет!

В АФРИКАНСКОМ МУЗЕЕ

(Картинка недалекого будущего)

Рисунок Е. ГУРОВА.

— А здесь выставлены шапки, по которым мы в свое время им дали!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА НИМ

Корреспондент: Значит, вы утверждаете, что в любом споре с бельгийцами последнее слово остается за вами?

Чомбе (с достоинством): Безусловно! Это слово... «слушаюсь».

ПОЛНОЕ РАВЕНСТВО

— Скажите, господин министр колоний, на какой основе вы строите отношения с туземными руководителями?

— О, разумеется, на основе полного равенства! В области внешней политики МЫ поступаем так, как мы считаем нужным. А в области внутренней политики ОНИ поступают так, как мы считаем нужным.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ 39-й. Издательство «Правда».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 07166. Изд. № 1369. Подписано к печати 30/VIII 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 400 000 экз. Заказ № 2395. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЛИЦО КОЛОНИАЛИЗМА.

Рисунок И. СЕМЕНОВА и Р. ШУТЕНКО.

ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.